

Лизина история

Сегодня для многих ярославцев особый день. 27 января 1944 года была снята блокада Ленинграда. Какой бы ни получилась очередная годовщина – круглой или, как в этот раз, некруглой – каждый блокадник в этот январский день вновь ощутит единство своей судьбы с судьбой других ленинградцев и своего великого города.

ГОРОД СТАЛ СЕРЫМ

Елизавете Сергеевне Кондратьевой (тогда Кабановой) минуло к началу войны сорок лет. Семья была большая и дружная: отец, мать, четыре брата и она с сестрой. Трое старших, уже женатые, жили отдельно, но здесь же, на Петроградской стороне. А брат Борис, младшая сестра Галя и она, Лиза, – с родителями.

Лиза училась хорошо, школа была новая, трехэтажная, она ее очень любила. Теперь впереди каникулы, папа достал путевку в пионерлагерь, и она заранее предвкушала все связанные с этим удовольствия.

До отъезда оставалось еще несколько дней. Погода стояла прекрасная, и в ближайшее воскресенье вся семья собиралась в Павловск.

Отец – инвалид, хромой, работал в домоуправлении, подрабатывал по сапожному, столярному делу – как-никак, шестерых надо было вырастить – и бывало, шутил: «Я не умею только на гармони играть и лапти плести, а так все умею». Никто поэтому особенно не удивился, когда в воскресенье утром пришел посыльный и передал, что отца срочно вызывают в милицию с домовой книгой.

– Папа еще проворчал: «Даже в выходной нет покоя». И сказал, чтобы ехали в Павловск без него. Но братья заупрямились: без него не поедет. «Ну что же, – сказала мама, – давайте тогда пить чай». Сидим мы все за столом, радио включено, и вдруг Левитан говорит: так, мол, и так, без объявления войны немцы сегодня перешли границу и бомбят наш город. Вернулся папа, мы ему про войну, а он не верит. Тут по радио повтор, опять голос Левитана. А еще часа через два принесли отцу повестки из военкомата с приказом разнести по квартирам. Только тут он понял, для чего его с домовой книгой вызывали и окончательно поверил, что началась война. «Давайте, – говорит, – девочки, мобилизуйтесь, чтобы мигом повестки разнести. И под расписку».

Собрала Лиза подружек, мальчишек из своего двора, и они побежали по адресам. К вечеру город из праздничного, воскресного стал серым, угрюмым, даже люди на улице, сосредоточенно спешащие по своим домам, казались Лизе серыми.

Первые военные дни запомнились еще одной деталью. В Ленинграде во дворах белье не сушили. Чердаки многих домов были разграничены легкими деревянными перегородками, для каждой квартиры получалась своя бельевая клетушка. И вот вышел приказ: выломать все перегородки на чердаках (чтобы обезопасить их от зажигательных бомб, наверное). Прибранные, всегда чисто выметенные улицы через день-два были сплошь завалены старыми досками.

Во дворе у Кабановых располагались гаражи НКВД. Отец и в них подрабатывал. В начале июля он пришел с новостью: детей сотрудников этих гаражей эвакуируют, и ему предложили отправить вместе с ними своих девочек. «Куда ни поедет НКВД не повезет, – уговаривал он жену. – Пусть едут». Та не рещалась, плакала, но в конце концов согласилась.

Проводы не предвещали ничего плохого. Играла музыка, грузили спальные принадлежности, много продуктов, вместе с детьми ехали воспитатели – Лизе казалось, что она едет в пионерлагерь.

ПЕРВАЯ ЭВАКУАЦИЯ

Их довезли до Старой Руссы. Расположили на ночлег в школе на окраине города. Устроились по-походному, на полу. Лизе продолжало казаться, что она в лагере и у них очередное летнее приключение. Одиннадцатилетняя Галя тоже не проявляла беспокойства.

Ночью всех разбудил страшный взрыв. Отовсюду полетели стекла. Крики, рев, рядом что-то горело... Дети прижались друг к другу, сбившись все вместе. Так прошла та первая жуткая ночь.

Утром кто-то пригнал за ними грузовики с соломой, и всех повезли на станцию Мста, а потом дальше, в деревню Усть-Вольма. Разместили в сараях. Лизу, как одну из старших, привлекли помогать на кухне. Впрочем, деревенская жизнь продолжалась недолго. Усть-Вольму вскоре тоже стали бомбить, за некоторыми детьми начали приезжать родители и забирать их обратно в Ленинград. У Лизы были деньги, которые ей дал отец в дорогу, и она вместе с Галей тоже засобирались, но ее не отпустили, объяснив, что больше на кухне работать некому.

Однако война приближалась стремительно. Стало очевидно, что в Питер нужно возвращаться всем. Прежняя дорога уже оказалась перерезана. Чтобы добраться до станции Мста, оставался один путь – по реке. После долгих уговоров несколько местных мальчишек согласились довести всю компанию на своих челнах. Река Мста там порожистая, путешествие выдалось не из легких, но закончилось благополучно. Через какое-то время сестры уже были в родном Ленинграде.

– Еще каких-нибудь десять минут, и папу мы бы не застали. Он собрался в деревню за нами. Можно сказать, стоял на пороге.

После перенесенных испытаний город показался Лизе хоть и настроженным, однако почти благополучным. Его еще не бомбили, работали магазины, в том числе продуктовые. Шел конец июля.

Но враг приближался. Трое братьев уже были призваны, и отец со старшим братом Александром, которого оставили служить в Ленинграде, решили, что женщинам с детьми лучше все-таки уехать подальше.

ГОРЧИЦА, КОЖАНЫЙ РЕМЕНЬ

На сей раз в эвакуацию собрались ни много ни мало девять Кабановых: Лиза с мамой и Галей, старшая сноха с двумя детьми (двух с половиной лет и грудным младенцем), вторая сноха с пятилетней девочкой и третья сноха в положении.

Мужчины проводили их на вокзал, поезд тронулся... А на станции Рыбацкая (сейчас метро «Рыбацкая») замер. Стоял час, два, три... Двое суток он не мог двинуться дальше, все пути были забиты поездами. У Елизаветы Сергеевны и сейчас эта картина перед глазами: впереди и сзади эшелоны с оборудованием эвакуируемых заводов, а посредине – с женщинами и детьми.

Кабановы позвонили в Ленинград. Когда пробка рассосется неизвестно, еда кончается. Что делать? Брат Александр набрал продуктов – и к ним. Пока ехал, эшелон с семьей продвинули дальше, а он сам на станции Рыбацкая попал под бомбежку. Налет был жесточайший, погибли сотни людей. Александр чудом остался жив, растерял все продукты и, решив, что все родные погибли, вернулся в Ленинград.

Тем временем эшелон, в котором ехала Лиза и другие Кабановы, продолжал медленно двигаться вперед. Над ним кружил наш самолет – говорили, сопровождающий.

мамой как иждивенки по 125 и Галя как ребенок – 150 граммов хлеба.

Они теряли силы на глазах. А тут еще обстрелы. Фашисты обстреливали город методично каждый день. Первое время Лиза с мамой и Галей прятались в бомбоубежище. Потом, когда соседнее бомбоубежище засыпало, перестали прятаться. Да и сил уходить из дома становилось все меньше. В памяти остался день, когда не то под обстрел, не то под бомбежку попал расположенный неподалеку зоопарк и то, как ревели звери.

В доме не было даже бидона. За водой на Неву ходили с

рядиться: «Своди-ка ты, мать, девчонок. Ведь всю зиму не мылись». Она встала, а там стужа, ноги к полу примерзают. Чуть-чуть полпелескались и обратно.

Однажды ближе к весне в квартиру вошли незнакомые девушки. Огляделись, заинтересовались самочувствием, переписали всех и объявили: 4 или 5 апреля – эвакуация. Вещей не брать, главное сейчас – вывезти людей.

В назначенный день Лизу с мамой, Галей и Борей посадили в грузовую машину и повезли к Ладозскому озеру. На берегу велели перебраться в другой такой же крытый грузовик, и он двинулся по льду. Через щели были видны огромные промоины, Лизу обдавало брызгами, казалось, что машина вот-вот уйдет под лед, люди вскрикивали, а сопровождавшие их военные уговаривали: «Тихо! Пожалуйста, тихо!»

А вот и противоположный берег. Замерзли страшно. Первое, что увидели, – длинные столы. Всем дали по миске пшенной каши с маслом и куску хлеба. Для некоторых из тех, кто выбрался из блокадного ада, эта щедрая порция оказалась смертельной. По дороге на каждой станции из вагонов выносили мертвых.

Кабановы выжили.

Их привезли на станцию Буй. Оттуда добрались до деревни, родины отца. Лиза с мамой, Галей и чуть живым братом Борисом начинали новую жизнь почти на пустом месте. В деревне их жалели, пока чуть-чуть окрепли, подсобляли, чем могли. Вскопали землю, помогли что-то посадить. А там наступило лето: пошли грибы, ягоды, и сразу стало легче.

Лизу определили на ускоренные трехмесячные курсы трактористов. Но пришел бригадир, посмотрел на нее и пожалел сажать за руль. Поставил учетчицей.

В Ленинград они так и не вернулись. Нужен был вызов, а у них никаких родных там не осталось, только в братской могиле на Серафимовском кладбище папа. И сгинул где-то под Ленинградом брат Николай: в последний раз они видели его во время блокады, когда он приезжал с фронта на Кировский завод ремонтировать танки. Больше известий о нем не было. Его жена после всех злоключений родила мертвого ребенка.

Мама Лизы была очень больная, но прожила долго и всю жизнь с ней. Сестра Галя работала на моторном заводе станочницей, сейчас на пенсии, живет в Брагине. Борис работал на РТИ.

В Ярославль первой приехала Лиза – вместе с деревенскими девочками. Они после ремесленного училища работали в «Горэлектросети», привели и ее в отдел кадров. Там дали общежитие, определили помощником счетовода, обучили. Потом Елизавета Сергеевна стала бухгалтером и проработала в «Горэлектросети» всю жизнь. Вышла замуж, получила квартиру.

Сейчас мужа уже нет в живых. У нее двое детей. Дочь Ирина – заместитель директора школы-интерната № 82, заслуженный учитель РФ. Сын Вячеслав окончил авиационный институт, работал в КБ Яковлева, сейчас возглавляет авиационную фирму. У Елизаветы Сергеевны трое внуков, а ровно год назад, день в день к «ленинградскому дню», 27 января 2006 года родился правнук Антоша. Позже появилась еще правнучка Машенька.

Так что все было, наверное, не напрасно.

Татьяна ЕГОРОВА.

фото Вячеслав ЮРАСОВА

Внезапно раздался мощный взрыв. Вагоны буквально подскочили, и поезд встал. Высокая насыпь. Камыши. Из вагона в вагон передали: дальше эшелон не пойдет.

Наш самолет куда-то исчез, зато появился немецкий. Он летел так низко, что летчик, конечно, прекрасно рассмотрел высывавших из вагонов женщин и детей. Тем не менее развернулся и пошел в атаку, расстреливая людей из пулемета.

«Под лавки! Ложитесь под лавки!» – запрочитала мать. «Ты что?! Из вагона! Быстрее!» – перекивая ее, командовала старшая сноха и буквально вытолкала всех на насыпь, а потом вниз, под откос.

Кабановы пролежали на земле, прикрывая собой малышей, дотемна. Фашистский летчик, израсходовав свой боевой запас, улетел. Ночью они двинулись пешком обратно в Ленинград.

Где-то их подвезли на машине. Потом попала крестьянская телега, и часть пути малыши ехали на лошади. Впервые Лиза услышала тогда слово «беженцы». Они добрались до дома грязные, оборванные, но какое счастье свернуло в глазах отца! Он ведь их уже оплакивал.

В сентябре начались налеты немецкой авиации на Ленинград. Сразу же были сожжены Бадаевские склады, и город остался без продовольствия. Несмотря на пережитое, Кабановы оказались совершенно неподготовленными к суровой реальности. В магазинах исчезло все, а они жили без запасов. Принесли карточки. На них значились и крупы, и масло, и сахар, но отоваривали только хлеб. Отец получал по рабочей карточке 600, Лиза с

чайником. Принесут, разольют по стаканам и пьют экономно, чтобы надольше хватило. Иногда крошат кусочек хлеба и залят теплой водой – получалось вроде супа.

Особенно страдал от голода брат Борис. Первое время он еще работал да и практически жил на заводе, где рабочих немного подкармливали. Потом тех, кто уже не мог стоять у станка, распустили по домам. У мамы нашлись две корбочки сухой горчицы. Борис разводил этот порошок и пил. Потом варил свой кожаный ремень, снял его по куску, и вся семья пила эту водичку.

В нескольких кварталах от их дома находилось ремесленное училище. Отец и там подрабатывал. Когда сил у него уже совсем не осталось, он велел Лизе сходить туда в бухгалтерию, получить причитающиеся ему деньги. Она сама уже передвигалась еле-еле да и в училище попала в первый раз. Толкнула первую попавшуюся дверь и оказалась в спортивном зале. В нем висели кольца, стояли перекладины, а в углу лежали штабелем трупы ремесленников, мальчиков и девочек – все почему-то черные.

«Ты куда?!» – раздался голос сзади. Чьи-то руки оттащили ее, и дверь перед глазами захлопнулась.

Впрочем, человек ко всему привыкает. У них во дворе была прачечная. В ту зиму в нее стаскивали покойников. Вскоре она стала полным-полна, но Лиза да и никто вокруг мертвых уже не боялись.

БЕЗ ПАПЫ

Папа умер 5 марта. Накануне рядом с их домом открыли баню, и он успел еще распо-